

—

II.

— Матушка, я столько лет замужем за старшим сыном семьи Гу и никогда не смела идти против вашей воли или воли отца. Но в этот раз дело касается будущего нашего Чжэнь-эр* — это надежда и будущее всей семьи Гу, этот брак ни в коем случае не должен состояться! — лицо Ли Сянтао выражало крайнюю тревогу.

[*Суффикс «эр» (耳, ér) в китайском языке при использовании в обращениях придает словам ласковый, уменьшительный, фамильярный или интимный оттенок, указывая на близость между говорящими. Часто используется при обращении к детям, младшим или между близкими друзьями, влюбленными.]

Старая госпожа Гу нахмурилась:

— Я понимаю, к чему ты клонишь. Но семья Се сейчас не желает расторгать помолвку. К тому же, этот союз в свое время предложил твой свекр. Ты хочешь, чтобы он теперь пошел на попятную? Он — староста деревни, как он после этого будет людям в глаза смотреть?

Ли Сянтао на мгновение замялась:

— Но... матушка, вы же знаете, Чжэнь-эр с самого детства был близок с Сяо Хуанем. Теперь, когда Сяо Хуань вернулся в графское поместье Суйнин, если наш Чжэнь продолжит отношения с ним, то в будущем...

Старая госпожа Гу вздохнула:

— Кто же знал, когда семьи договаривались о браке, что всё так обернется? Кто мог подумать, что Сяо Хуань окажется молодым господином из столичного графского дома?

При упоминании столичного графского дома глаза Ли Сянтао лихорадочно заблестели. Она вцепилась в рукав свекрови:

— Чжэнь-эр сегодня утром как раз отправился в поместье семьи Шэнь. Сказал, что Сяо Хуань звал его по какому-то делу. Сяо Хуань даже после возвращения в дом графа всё еще помнит о нашем Чжэне!

Старая госпожа Гу бросила на неё строгий взгляд:

— Не смей болтать такие легкомысленные вещи. Чжэнь-эр — человек ученый, а графский дом — почтенное и знатное семейство. Не смей порочить их репутацию.

Ли Сянтао тут же сконфуженно замолчала. Но вскоре она снова не выдержала и добавила:

— Матушка, даже если не говорить о Сяо Хуане, нельзя позволить Чжэнь-эру жениться на этом Чаньюэ-гере, которого выставили из поместья. Неизвестно еще, как графский дом к нему относится, как бы он в будущем не стал обузой и помехой для карьеры нашего сына.

Услышав это, старая госпожа Гу надолго погрузилась в раздумья. Наконец она раздраженно махнула рукой:

— Нужно дождаться твоего отца, пусть он решает. И жениться нельзя, и не жениться нельзя... Вечно этот старик сует нос куда не надо, сговорил Чжэнь-эра так рано.

Выплеснув раздражение на мужа, она подняла глаза и увидела своего второго невестку-гера, Му Ся, который стоял под навесом, застыв как истукан. Его безучастный вид разозлил её еще больше, и она уже собиралась сделать ему выговор.

Но в этот момент рядом с Му Ся появилась высокая фигура. Спокойный голос произнес:

— Бабушка, у меня есть способ всё уладить.

Старая госпожа Гу была женщиной строгой, но перед внуками редко распекала их родителей, поэтому она мгновенно смягчилась в лице. Она с недоумением спросила:

— Ян-эр, о чем это ты?

Лицо Гу Сыюаня оставалось бесстрастным:

— Я говорю, что знаю, как решить вопрос с помолвкой семьи Се. Старшему брату Чжэню не обязательно жениться на их гере.

Не успела бабушка и слова вставить, как Ли Сянтао торопливо выкрикнула:

— А-Ян, что ты такое говоришь? Какой у тебя способ?

Гу Сыюань обвел присутствующих спокойным взглядом, будто речь шла о том, что скоро подадут обед:

— Раз старший брат не хочет жениться на гере семьи Се, то пусть эта помолвка перейдет ко мне. Я на нем женюсь.

От этих слов все присутствующие впали в оцепенение. Но почти сразу глаза Ли Сянтао радостно расширились. Она звонко хлопнула в ладоши:

— Точно! Ну конечно! Почему бы и нет? Всё равно в деревне знают только то, что семья Гу роднится с семьей Се. Раз они смогли подменить гера, то почему наша семья не может подменить жениха? Никто и слова против не скажет!

Она в восторге подскочила к Гу Сыюаню и схватила его за руку:

— А-Ян, А-Ян! Твоя тетя должна тебя хорошенько отблагодарить! Как же хорошо, что ты согласен жениться на Чаньюэ-гере из семьи Се. Когда твой брат добьется успеха и высокого чина, он тебя никогда не забудет!

Му Ся же потрясенно смотрел на непоколебимую фигуру своего сына. Сын казался ему теперь совсем другим, в нем чувствовалась какая-то новая сила. И еще... неужели такое важное дело, как женитьба, может решаться так просто?

Старая госпожа Гу поначалу тоже воодушевилась, мгновенно осознав жизнеспособность этой идеи. Вся семья всегда была сосредоточена на Гу Чжэне, и они как-то упустили из виду, что Гу Ян всего на несколько месяцев младше брата и уже достиг брачного возраста. Однако она быстро взяла себя в руки. Опустив веки, она пристально посмотрела на Гу Сыюаня:

— Ян-эр, ты искренне желаешь жениться на Чаньюэ-гере? Хоть Чжэнь-эр и подает большие

надежды, наша семья не станет жертвовать счастьем одного брата ради карьеры другого.

— Матушка, да вы... — Ли Сянтао занервничала и дернула свекровь за рукав. Старая госпожа бросила на неё косой взгляд и незаметно сжала её руку.

Гу Сьюань сделал вид, что не заметил их маневров, и серьезно кивнул:

— Разумеется, искренне. Только что у ворот я мельком видел Чаньюэ-гера. Он поразительно красив.

Это было обдуманное решение Гу Сьюаня. Его миссия в этом мире — спасти Се Чаньюэ и сделать его счастливым. В современном мире он мог бы просто решить его проблемы и дать ему кучу денег. Но в эту феодальную эпоху гер обязан вступить в брак, иначе косые взгляды и пересуды сделают его жизнь невыносимой — о каком счастье тогда может идти речь? А если он выйдет замуж за кого-то другого, то даже будь он дочерью императора, никто не гарантирует ему достойной жизни. Поэтому брак с самим собой — лучший выход.

Даже если он не сможет полюбить его безумной страстью, он гарантирует, что Се Чаньюэ будет единственным в его жизни. Он всегда будет ставить его на первое место и никогда не предаст его интересы. Всё, что тот пожелает — если это не идет вразрез с моралью, — Гу Сьюань постарается исполнить.

Уголки губ старой госпожи Гу едва заметно дрогнули. Она добавила, словно прощупывая почву:

— Если ты полюбил его с первого взгляда, то это и впрямь добрая весть. Я тоже видела этого Чаньюэ-гера пару раз — видный юноша, воспитанный.

Ли Сянтао подхватила с улыбкой:

— Еще бы! Всё-таки в знатном доме вырос. Не то что в нашей деревне Хуанъян, во всем уезде Уцин вряд ли найдешь гера статнее и краше него.

Му Ся не выдержал и бросил холодный взгляд на старшую невестку: «Раз он так хорош, что и с огнем не сыщешь, отчего же ты так спешишь расторгнуть помолвку с ним для своего сына?»

Гу Сьюань тоже слегка усмехнулся:

— Что ж, благодарю тетюшку за содействие.

Ли Сянтао, кажется, уловила в его словах тень иронии и сконфуженно хихикнула. Гу Сьюань не обратил на это внимания и снова обратился к бабушке:

— Что скажете, бабушка?

Старая госпожа Гу приняла торжественный вид и кивнула:

— Ты человек ученый, тебе виднее.

Даже на одной руке пальцы разной длины, что уж говорить о внуках. Гу Чжэнь был старшим, с детства рос красавцем, был покладистым и кротким, а в академии стал первым учеником. Бабушка сама его растила и любила всей душой. Да и дед, хоть и не признавался, явно выделял старшего. К тому же сейчас Гу Ян предлагал это по доброй воле.

Тем не менее, старая госпожа Гу перевела взгляд на стоявшего рядом Му Ся:

— Хоть браки детей и решают старшие, но ты — отец нашего Ян-эра. Я должна спросить твоего мнения, чтобы в семье потом не было раздоров.

Му Ся замер, а затем снова посмотрел на своего ставшего таким взрослым и высоким сына. Гу Сьюань встретил взгляд отца: в его глазах читалось легкое извинение, но еще больше в них было твердости и немой просьбы.

Му Ся теперь всё окончательно понял. Он на мгновение опустил глаза: если бы родители решили насильно навязать его сыну того, от кого отказался Гу Чжэнь, он бы стал бороться, даже рискуя прослыть неблагодарным сыном.

Но сейчас сын сам просил об этом.

И дело не в том, что Му Ся хотел наговорить на собственного ребенка, но с самого детства — возможно, из-за мягкого характера родителей — А-Ян всегда умел постоять за себя и извлечь выгоду. Он был не из тех, кто позволит себя обделить.

Му Ся медленно показал жестами: «Раз А-Ян хочет, а матушка согласна, то и у меня возражений нет. Нужно лишь дождаться отца и Гу Эра, чтобы послушать, что скажут они».

Старая госпожа Гу кивнула, в её глазах вспыхнул свет облегчения, который она уже не могла скрыть. Ли Сянтао и вовсе расплылась в широкой улыбке, глядя на Гу Яна как на спасителя.

В полдень, когда мужчины семьи Гу вернулись с полей, Ли Сянтао, не в силах больше терпеть, тут же выложила всё как на духу.

В доме Гу жили три поколения. У стариков было три сына и дочь. Дочь выдали замуж в соседний городок Хэси, а сыновья, хоть и обзавелись семьями, жили под одной крышей, так как родители были живы, и семьи ещё не разделились.

Впрочем, Гу Лаосань* работал счетоводом в уездном городе, поэтому его семья почти всё время проводила там, возвращаясь только на праздники. В кирпичном доме на постоянной основе жили дедушка с бабушкой, а также семьи старшего и второго братьев.

[*В китайских семьях обращения 老大 (lǎodà), 老二 (lǎo'èr) и 老三 (lǎosān) используются для обозначения порядка рождения детей. Префикс 老 (lǎo) в данном случае не означает «старый», а имеет только грамматическое значение и одновременно привносит оттенок близости. 老大 (lǎodà) — самый старший ребенок из братьев; 老二 (lǎo'èr) — второй по старшинству ребенок; 老三 (lǎosān) — третий ребенок.]

Выслушав Ли Сянтао, дед Гу и старший сын переглянулись. Это было действительно лучшее решение проблемы. Они не особо рассчитывали, что Гу Чжэнь сможет вернуть Шэнь Чанхуаня после его возвращения в графский дом, но сейчас было очевидно: ни Ли Сянтао, ни сам Гу Чжэнь не хотели этого брака. А брать жену в дом нужно для мира и согласия. Если же в итоге получится несчастная пара и в доме начнутся раздоры, это только всё испортит.

Гу Лаоэр посмотрел на своего высокого сына с нечитаемым выражением лица. Гу Сьюань ответил ему кивком и тихо произнес:

— Отец.

Лицо Гу Лаоэра осталось спокойным:

— Если тебе нравится — хорошо.

Дед Гу, желая окончательно удостовериться, переспросил:

— Ян-эр, ты точно сам этого хочешь?

Гу Сьюань снова подтвердил свое намерение, добавив, что сейчас как раз начались каникулы на месяц, и лучше было бы сыграть свадьбу как можно скорее. В феврале следующего года он планирует сдавать экзамены, и после этого ему нужно будет полностью сосредоточиться на книгах.

Дед Гу, разумеется, с радостью согласился. На этом дело было решено. Поскольку одна из главных проблем семьи была улажена, старики решили в качестве компенсации повысить уровень расходов на предстоящую свадьбу. На этот раз даже прижимистая Ли Сянтао не проронила ни слова протеста.

Вечером, когда Гу Чжэнь вернулся из города, он обнаружил, что дом сияет радостью — от утреннего уныния не осталось и следа. Ли Сянтао, завидев сына, тут же расцвела:

— Сынок, ты был в городе? Виделся с А-Хуанем?

Гу Чжэнь кивнул. Раньше мать постоянно ворчала, что А-Хуань — простой деревенский гер и не ровня ему, советовала взять в жены здоровую девушку или городского гера, который помог бы ему в продвижении по службе. А теперь, когда статус А-Хуаня изменился, мать стала относиться к нему в сто раз ласковее, чем к родному сыну. Он понимал её мысли, но знал — это невозможно. У А-Хуаня есть любимый — молодой генерал Сяо. А сам он обещал А-Хуаню взять в жены того Се Чаньюэ, что остался в семье Се.

Он мягко спросил:

— Матушка, а что с помолвкой в семье Се?..

Его перебили на полуслове. Ли Сянтао самодовольно заявила:

— Всё улажено! Не волнуйся, сынок. Теперь ты можешь общаться с Сяо Хуанем, и никто слова худого не скажет.

Гу Чжэнь замер, нахмурившись:

— Матушка, как это понимать? Вы же не пошли в семью Се расторгать помолвку в лоб?

Он знал чувства матери к нему — ради его блага она была способна на что угодно. Ли Сянтао весело покачала головой:

— Да как такое возможно! Тебе же еще экзамены сдавать, а твой дед — староста. Мы не можем совершать поступки, за которые люди будут в нас пальцем тыкать. Это твой второй брат, А-Ян, согласился забрать твою помолвку и жениться на том гере, которого вернули из графского дома.

— Второй брат?

В сознании Гу Чжэня всплыло лицо двоюродного брата, Гу Яна. Они родились в один год, А-Ян

был младше всего на пять месяцев. При том, что семья еще не разделилась, они должны были быть близки, но их отношения всегда были натянутыми.

А-Ян с детства рос нелюдимым и угрюмым, в то время как Гу Чжэнь был одаренным и обходительным «золотым ребенком» семьи. Естественно, старшие уделяли Гу Чжэню гораздо больше внимания. И хотя их семья считалась зажиточной в деревне, ресурсы были ограничены, особенно когда учились сразу двое — всегда кто-то получал больше. Поэтому Гу Чжэнь считал, что брат его недолюбливает.

— Да, вот такое совпадение! — продолжала Ли Сянтао. — А-Ян сегодня вернулся из академии и столкнулся с Чаньюэ-гером прямо у ворот. И с первого взгляда влюбился! Честно сказать, этот гер и впрямь невероятно хорош собой, я бы и сама на месте мужчины загляделась.

Гу Чжэнь нахмурился:

— А семья Се согласна на такую замену?

Ли Сянтао осеклась и фыркнула:

— А кто их спрашивать будет? Он же изгой, которого вернули, обе стороны в неловком положении. Твой брат, хоть и уступает тебе во всем, но наша семья — первая в деревне. Завтра утром бабушка пошлет сваху к семье Се.

Гу Чжэнь задумчиво кивнул и замолчал. Глядя на него, Ли Сянтао заволновалась:

— Сынок, ты же не передумал? Мать тебе сразу скажет: красота для гера — не главное. Сяо Хуань тоже очень красивый, между прочим.

Гу Чжэнь понял, что мать опять истолковала его молчание по-своему, и поспешил покачать головой. То, что Се Чаньюэ выйдет за его брата, было неплохим исходом — просьба Шэнь Чанхуаня была формально выполнена, а самому ему не пришлось жениться на нелюбимом. Вроде бы стоило радоваться. Но на душе внезапно стало как-то странно. Он собирался жениться на Се Чаньюэ по просьбе А-Хуаня — нехотя, но с чувством благородного превосходства, будто оказывая милость. А теперь оказалось, что его милость никому не нужна... Возникло мимолетное чувство, будто у него отобрали его вещь, и он сам не понимал — горе это или радость.

Пятый месяц уже всю дышал летом. После ужина, когда еще не совсем стемнело, Гу Сьюань не пошел в комнату, а остался во дворе помогать Му Ся и Гу Лаоэру с плетением из лозы. Уезд Уцин славился своими пейзажами, редкими для северных земель.

Послезавтра был праздник Дуанью*. На реке Аньдин в пригороде должны были пройти гонки на лодках. Весь город и окрестные деревни собирались там, даже знатные бездельники из столицы присылали своих людей или приезжали сами. Мастера из окрестных деревень пользовались случаем, чтобы подзаработать.

[*Праздник Дуанью (端午), также известный как Фестиваль драконьих лодок, — один из четырех важнейших традиционных праздников Китая. Он отмечается 5-го числа 5-го месяца по лунному календарю.]

У Гу Лаоэра были умелые руки, он часто плел мелочи на продажу. Му Ся с любопытством смотрел на то, что выходило из-под пальцев сына, и жестами спросил: «Это медведь?»

Гу Сьюань кивнул:

— Да. Маленький бурый мишка.

Му Ся с улыбкой сощурился. Для деревенских жителей медведь был таким же страшным зверем, как тигр — одного взгляда хватило бы, чтобы лишиться чувств. Но в руках сына медведь оставался медведем, но при этом становился необъяснимо трогательным и неуклюжим, так что его хотелось прижать к себе.

Гу Лаоэр забрал мишку из рук сына, осмотрел со всех сторон и, желая угодить Му Ся, сказал:

— А-Ся, тебе нравится? Я уже понял, как это делается, сейчас сплету тебе такого же.

Гу Сьюань промолчал, подумав про себя: «Отец, это же нарушение авторских прав». Впрочем, Гу Лаоэр об этом не ведал. Как истинный мастер, он с первого взгляда понял конструкцию. По технике исполнения он превосходил сына в разы, ему просто не хватало воображения придумывать новые формы.

Вскоре в его руках родился мишка из коричневой лозы. Для глаз он использовал темные сухие веточки, а само плетение было таким плотным и гладким, что поделка сына на его фоне выглядела любительской. Только он собрался протянуть мишку своему мужу, как во двор вприпрыжку вбежала племянница из старшей ветви, Гу Цинцин.

— Дядя, дядя! Какой он миленький! Отдай его мне, ну пожалуйста! — затараторила племянница.

Гу Лаоэр был человеком прямолинейным, поэтому просто качнул головой:

— Нет, это для твоего второго маленького дяди.

Гу Цинцин надула губы, но зверушку ей всё равно очень хотелось. Тогда она перевела умоляющий взгляд на Му Ся:

— Второй маленький дядя...

Цинцин в этом году исполнилось двенадцать, она была очень живой и очаровательной девочкой. У Му Ся с ней были добрые отношения, поэтому сейчас он немного замаялся: взрослый ведь человек, а приходится спорить с ребенком из-за игрушки. С другой стороны, это был подарок от мужа, а подарки от Гу он всегда хранил с особым трепетом.

Второй Гу похлопал племянницу по плечу:

— Не приставай к маленькому дяде. Я сплету тебе другого.

Цинцин тут же просияла:

— Второй дядя, ты лучший!

Вспомнив, что второй дядя больше всего на свете балует своего супруга, она тут же обернулась к Му Ся:

— Второй маленький дядя, вы же в прошлый раз говорили, что хотите новые узоры для вышивки? Я принесу вам свой самый любимый, договорились?

Сзади раздался голос Ли Сянтао:

— Что же это за сокровище такое, ради которого ты даже узоры готова отдать? Мать родная просила — не дала!

Это замечание заставило Гу Лаоэра и Му Ся переглянуться. Если даже Цинцин в таком восторге, то городским барышням, которые и деревни-то не видели, это наверняка тоже придется по душе.

Гу Сьюань, видя, что они уловили суть, вставил свое слово:

— Отец, я вижу, плетение у тебя очень плотное. Если сделать эти фигурки поменьше, а перед тем как заплести до конца, набить брюшко сушеными травами и прикрепить сверху пятицветные шелковые нити... В день Дуанью дети наверняка захотят носить такие ароматные фигурки на поясе или на шее.

У супругов глаза загорелись еще ярче.

— Я хочу! — тут же заявила Цинцин. — Второй дядя, я хочу зайчика! В праздник повешу на шею и пойду хвастаться перед Сяо Цуй.

Гу Сьюань взглянул на корзинку в её руках, затем указал на медвежонка, которого только что сплел для неё отец, и спокойно спросил:

— У тебя же там полно лоскутков, почему бы не одеть его?

— А... ему тоже нужна одежда? — Цинцин на мгновение замерла, но тут же воодушевилась и принялась копаться в корзинке, выуживая обрезки ткани размером с ладонь.

Старая госпожа Гу мастерски владела иглой, и Цинцин многому у неё научилась. Буквально за пару мгновений была готова маленькая одежда: светло-зеленая рубашка и желтые короткие штанишки. Самые обычные цвета, которые можно встретить в любой деревенской семье, но на медвежонке они смотрелись невероятно мило.

Цинцин прижала медвежонка к груди, не желая выпускать его из рук:

— Я сошью мишке десять нарядов!

Целых отрезков ткани у неё не было, но обрезков и лоскутков скопилось предостаточно. Му Ся тут же последовал её примеру и сшил одежду для своего медвежонка, взяв за образец сегодняшний наряд Гу Лаоэра.

Гу Лаоэр повертел мишку в руках, разглядывая его:

— Днем пусть он заменяет меня и составляет тебе компанию дома.

— ... — Гу Сьюань.

Удивительные люди эти взрослые.

В этот момент рядом с Гу Сьюанем кто-то встал.

— Старший брат! — крикнула Цинцин.

Гу Сьюань поднял глаза и кивнул Гу Чжэню, после чего снова замолчал. Все в доме привыкли к его нелюдимому нраву, поэтому не обратили внимания.

Гу Чжэнь мягко улыбнулся:

— Второй брат, я хотел бы обсудить с тобой кое-что по учебе.

Гу Сьюань сразу понял, что это лишь предлог, но ему было всё равно.

— Хорошо, — он встал и первым направился в комнату Гу Чжэня.

Войдя внутрь, Гу Чжэнь прикрыл дверь. Учеба требовала тишины, поэтому, когда братья были дома, их двери часто оставались закрытыми — домочадцы к этому привыкли.

Гу Сьюань встал посреди комнаты, заложив руки за спину:

— Говори прямо, что хотел.

Гу Чжэнь на мгновение оторопел, глядя на холодного и властного брата, но затем слегка улыбнулся:

— Видимо, ты уже догадываешься, о чем я хочу спросить.

Гу Сьюань остался бесстрастен, никак не прокомментировав это замечание.

— Ты действительно искренне выбрал гера семьи Се? — перешел к делу Гу Чжэнь.

— Разумеется, — без колебаний ответил Гу Сьюань.

— Кажется, ты сегодня увидел его впервые. Позволь узнать, чем же он тебя так привлек?

Гу Сьюань слегка усмехнулся и сухо произнес:

— Обсуждать за спиной достоинства и недостатки чужого гера — не то занятие, которым подобает заниматься нам, ученым мужам.

В глазах Гу Чжэня мелькнуло замешательство. Он всегда считал себя благородным мужем, подобным нефриту, и нынешний разговор действительно был верхом нетактичности. Но он был связан обещанием, данным Шэнь Чанхуаню, поэтому лишь беспомощно вздохнул.

В этот момент Гу Сьюань заговорил снова:

— Впрочем, между нами слова похвалы допустимы. Он привлек меня своей необычайной красотой.

Гу Чжэнь нахмурился:

— Красота обманчива, за прекрасным лицом скрывается лишь тлен. Жену выбирают за добродетель, а не за внешность. То же касается и супруга. Ты человек образованный и должен это понимать. Как ты можешь быть таким легкомысленным и порывистым?

Гу Сьюань прищурился и внезапно усмехнулся ему в лицо:

— Хм... Не знал, что ты, видеv гера семьи Се тоже лишь однажды, уже успел доподлинно

узнать всё о его добродетелях.

Гу Чжэню показалось, что этим взглядом его буквально втоптали в грязь. Прежде угрюмый и молчаливый брат казался теперь совершенно другим человеком, а сам он, всегда такой находчивый, внезапно почувствовал себя неуклюжим и глупым.

— Прошу прощения, я сорвался, — только и смог он выдавить из себя.

Гу Сыюань не принял извинений. Он пристально посмотрел на брата и медленно произнес:

— Из-за твоих лишних слов сегодня я мог бы подумать, что тебе жаль расставаться с этой помолвкой и ты хочешь усидеть на двух стульях.

— Второй брат... — Гу Чжэнь побледнел от волнения. — У меня и в мыслях такого не было!

— Вот и хорошо.

Гу Сыюань направился к выходу. Прежде чем открыть дверь, он холодно добавил:

— После завтрашнего дня Чаньюэ станет супругом твоего младшего брата. Помни об этом и впредь не позволяй себе подобных вольностей.

Гу Чжэнь молчал, не находя слов для ответа.

Летние дни длинные, и светает рано. Едва миновал час Мао (05:00–07:00), в доме Се Эра на окраине деревни Хуанъян завтрак уже стоял на столе.

— Почему Чаньюэ до сих пор не вышел к столу? — нахмурившись, спросил Се Эр.

Лю Чжи, сидевшая рядом, бросила на него взгляд, но промолчала. Зато младший сын, Се Цю, фыркнул:

— А разве он вчера не бегал к семье Гу? Вот теперь и строит из себя невесть что, нарочно не выходит... Тоже мне, благородный господин нашелся!

Се Цю тоже был гером, на два года младше Се Чаньюэ. Он был как раз в том возрасте, когда пора договариваться о замужестве. Как и многие другие юноши и девушки в деревне, он втайне вздыхал по Гу Чжэню, внуку старосты. Но раньше был Се Хуань, и помолвка принадлежала ему, да и сам Гу Чжэнь любил Хуаня. Теперь Хуань уехал, но появился Чаньюэ, и Гу Чжэнь снова пролетал мимо Се Цю. Конечно, Се Цю был крайне недоволен новым братом.

Лю Чжи легонько шлепнула его палочками по руке:

— Не смей так говорить. Чаньюэ только-только попал в наш дом, он еще не привык.

Из-за того случая на обрыве она чувствовала перед Се Чаньюэ неловкость и вину. К тому же Чаньюэ был родным сыном её мужа, её законным пасынком.

Се Цю возмутился еще больше:

— Хм, к чему тут привыкать? Такой же бедняк, как и мы. Присвоил чужое имя, прокутил в роскоши больше десяти лет, и ему всё мало?

—

<http://bllate.org/book/14483/1281582>